

Сказание о трех богатырях: о Илье Муромце и о Михайле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче киевских, и о походе их

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 399)

Бысть во граде Киеве у великого князя Владимира киевского Всеславича пир великий на князи и бояра, на силны могучи богатыри. Будет у них пир навесело, князь Владимир зговорит таково слово: «Ой еси князи, и бояря и силные могучие богатыри! кому у меня три службы служить великие? Кто бы ехал в землю турскую, взял бы дани и выходу за тридцать и за три года? Кто бы ехал в землю в задонскую, взял бы дани и выходу за тридцать и три года? Кто бы ехал в землю алевитцкую, взял бы дани и выходу за тридцать и три года?» И тут все призадумались; никто ему ответу не даст: большия хоронятца за меньшия, а меньшия за большия, а у меньших и давно ответу нет. Илия Муромец зговорит таково слово: «Свет государь, князь Владимир киевской! аз еду в землю турскую, возму дани и выходу за тридцать и за три года». Михайло Поток Иванович зговорит таково слово: «Я еду в землю задонскую, возму дани и выходы за тридцать и три года». Алеша Попов говорит таково слово: «Я еду в землю алевитцкую, возму дани и выходы за тридцать и за три года». И те речи великому князю понравились; подносит им чару зелена вина, и запивают меды сладкими и с великим князем прощаются. И меж себя называют браться названными, и садятца на свои добры конь, и поехали ис Киева. Как будет от Киева за пять версть, таково слово молвили: «Братцы милыя! хто из нас передь приедет до Киева, а ково не будет, и после ехать тово ссыскивать». И, простясь, поехали розно — всяк своим путем: Илья Муромец поехал на реку Смородину, на мосты калиновые; Алеша поехал догоясстиврову (дорогою стивровою?); Михайло поехал дорогою святорусскою, подле моря синево. Ажно по морю плавает лебедь белая, и Михайло вынимает из налучия свой крепкой лук, ис калчана вынимает калену стрелу, и хочет бить лебедь белую. И она ему провещает чавческим голосом: «Михайло Поток Ивановичь! не стреляй меня, лебедь белую: я, де, по морю плаваю лебедью, а пред тобою стану девицей красной». И Михайло не успел в налучи положить крепка лука и в калчан калены стрелы, ажно пред ним стала девица, лицеем зело красна. И Михайлу она полюбилася: берет за руки белыя, и целует во уста сахарные, и

сажает на свой доброй конь; и взял дани и выходы за тридцать и за три года. И князь Владимир ему ответ держит: «Тебе у меня, Михайло, золота казна не запечатана, и кони на стойле не заперты». И подносит ему чару зелена вина, и запивают меды сладкими. И Михайло зговорит таково слово: «Свет государь, князь Владимир киевской! ехал возле моря синево, ажно по морю плавает лебедь белая, и я вынел, государь, из налучи свой крепкой лук, и калчан калены стрелы, и хотел убить лебедь белую, и она ему провещила: «Михайло, де, Поток Ивановичь! не стреляй меня, лебедь белую: «я, де, по морю плаваю лебедью, а пред тобою стану девицей красной». И я, государь, не успел в налучи положить крепкой лук и в калчан калены стрелы, ажно предо мною стала девица, лицеем зело красна, и мне она полюбилася, и я привез на свой богатырской двор» И князь Владимир зговорит таково слово: «Михайло Поток Ивановичь! препусти мне ту девку красную». И Михайло ответ держит: «Я, де, государь, сам с тою девою венчался, крестился и дал ей имя Белая Лебедь, Авдотья Лиховидовна». И венчал их владыка черниговской. И почал Михайло с нею любезно жить; и живет с нею равно три годы, а товарищи ево еще в Киев не приехали. И поехал Михайло во чисто поле тешитца на два месяца. А без него приехал под Киев-град купчина Золотой Орды с товары заморскими, увидел купчина красоту лица ея и почал розпрашивать: «Чья ето жена и как ее зовут по имени?» И Киевляня ему розказали: «Та, де, у нас жена богатырская, святорусково славново Михайла Потока Ивановича, а зовут ее Лебедь Белая Авдотья Лиховидовна». И тут купчина почал товары продавать наскоро, идет во свою землю. И как будет в Золотой Орде у царя Кощея неверново, сам зговорит таково слово: «Свет государь, царь Кощей Золотой орды! Сколко я не еждивал по иным землям купчиною, а такой прекрасной не видал, как есть во граде Киеве у богатыря светорусково славново Михайла Потока Ивановича жена, Белая Лебедь, лицеем зело красна». И тут царь Кощей силы собрал и пошел под Киев-град и осадил ево накрепко. Посылает посланники к великому князю Владимиру: «Ой еси князь Владимир киевской! отдай мне жену Михайлову. Не отдаш мне ея, и я Киев-град взатьем возму, а людей и детей в полон возму». И князь Владимир зговорит таково слово: «Ой еси мои князья, и бояря, и Киевляня! думайте да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову, или нет? А топере у нас в Киеве сильных богатырей не лучилося, некому выехати противо мужиков Кощеевых; а Михайло приедет сердит добре, станет побивати мужиков в Киеве». Князи и боляры, и все Киевляня ему зговорили таково слово: «Свет государь, князь Владимир киевской! доселева не бывало в Киеве жены Михайловы, и царь Кощей под Киев не прихаживал, И Киева накрепко не

осаживал, и тебе, государь, такой кручины не бывало: отдадим жену Михайлову, и царь Кощей от Киева прочь пойдет, и Михайлу дадим выбирать во всем городе Киеве: где захочет, тут и возмет, хоть княиню, или боярыню, или девку посацкую — такова же ему жена». Ажно провещится богатырское Михайла Потока Ивановича: едет ис чиста поля на свой богатырской двор. Встречает ево Лебедь Белая, сама зговорит таково слово: «Свет государь, Михайло Поток Иванович! без тебя под нас, под Киев-град, пришел царь Кощей Золотой Орды, а силы с ним ~~x~~ и Киев-град осадил накрепко, а прошает меня ис Киева, и Киевляня придумали отдати меня царю Кощею неверному». И Михайло зговорит таково слово: «Мужики Киевляня ссужалиса бы всяк своими женами и дочерми, а я за свою жену умею сам постоять». И садитца на свой доброй конь, и поехал ис Киева, и побил силу Кощееву, и всего Кощей сам четверт ушел во свою землю. А Михайло побил силу, с своею женою и тешитца, и живет с нею равно три года; а товарищи ево в Киев не приехали. И поехал Михайло во чисто поле тешитьца равно на три месяца, а без нево пришел под Киев царь Кощей, а силы с ним , и Киев осадил накрепко. И посылает посланники к великому князю Владимиру: «Ой еси князь Владимир киевской! отдай мне жену Михайлову, и я прочь пойду от Киева; а буде ты не отдаш мне, и я Киев взятем возму, а людей твоих всех вырублю, а жен и детей в полон возму и самому тебе, великому князю, не спущу». И князь Владимир зговорит таково слово: «Ой еси князи, и бояря, и Киевляне! думайте накрепко да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову, или нет? А топерь у нас в Киеве сильных богатырей не лучилося, некому выехать противу силы Кощеевы; а Михайло приедет сердит добре, станет побивать мужиков в Киеве». Князи, и бояря, и все Киевляня ему зговорят таково слово: «Свет государь, князь Владимир киевской! доселева не бывало жены Михайловы, и царь Кощей под Киев не приаживал, и тебе, государь, такой кручины не бывало: отдадим жену Михайлову, и царь Кощей от Киева прочь пойдет, а Михайлу дадим выбирать во всем граде Киеве: где захоцет, тут и возмет — хоть княиню, или боярыню, или девку посацкую». А уж Михайло с Кошеем бьется три дни, а жена ево переставилася. И побил силу, и Михайло едет на свой богатырской двор, и встречают ево люди дворовые, и сказывают, что Белая Лебедь переставилася. И втепоры Михайло закручинилса, что никто ево не встречает, и за руки не принимает. И приходит Михайло в отхожую горницу, где лежит жена ево мертвая, покрыта камкою белою; и Михайло зговорит таково слово: «Прости, де, Лебедь Белая! Помню, де, я и сам свое слово, что у нас с тобою молвлено: кто из нас наперед умрет, — и хто останетса, и тому в могилу итьти». И велел могилу рыть и гробницу делать каменную,

чтоб можно двум челвком сидеть, и стоять, и лежать. И на погребение звал князя Владимира, и владыку черниговского, и весь Киев-град. Сошлись все на погребение. И почал Михайло во граде класть жену свою в могилу, и сам с нею ложитца. И что зговорят таково слово всем городом Киевым: «Нигде таково не слыхано, чтобы где ложилися живые с мертвыми; а ты, Михайло, жив в могилу идеш ради жены своей: или у нас в Киеве людей не стало? Захочеш, возьмеш княиню, или боярыню, или девку посацкую — такова ж тебе жена». И Михайло ответ держит: «Знай, де, всяк сам себя». И сам зговорит таково слово: «Закопывайте да не мешкайте». И князь Владимир говорит таково слово: «Укладывайте досками дубовыми и засыпайте песками желтыми; а над могилою поставьте сторожей крепких: как Михайлу скучитца и станет громким голосом кричать, выпускайте ево на волной свет, не мешкайте: «И, похороня ево, все по домам пошли. И сидит Михайло с женою мертвою до вечера. И как будет о полуночи, ажно пришла змея лютая, и гробницу проела и пусти дву змеенков детей своих и змея пожалила Лебедь Белую за груди. И Михаило ухватил их и почал рвать надвое. И провещется ему змея лютая чавческим голосом: «Михайло Поток Ивановичь! не рви моих змеенков малинких, и я принесу тебе живой воды». И Михайло ответ держит: «Поди, змия, принеси мне живой воды, тогда отпущу детей твоих». И пошла змея, и принесла живой воды. И Михайло почал змеенков рвать надвое, и окропляет живую водою, и змеята оживилася. И окрапляет Михайло мертвую жену свою, и жена ево ожила, бутто от сна пробудилася. И тут Михайло завопил и засвистал громким голосом, и почали ево раскапывати. Идет из могилы Михайло и ведет за руку жену свою, и тут все подивилися, что жена ево была мертва Михайлова, а Михайло оживил ея. И почал с нею любезно жить, и живет с нею равно три годы, а таварищи ево в Киев не бывали. И поехал Михайло во чисто поле тешитися равно на пять месяцев. А без нево пришел под Киев-град царь Кощей Золотой орды, а силы с ним ✘̅, и Киев осадил накрепко. И послал посланники к великому князю Владимиру: «Владимер киевской! отдай мне жену Михайлову, и я прочь поиду от Киева; а буде не отдаш мне ея, и я Киев-град взатьем возму, а людей твоих в Киеве всех вырублю, а жен и детей в полон возму, и самому тебе, великому князю, не спущю». И князь Владимир зговорит таково слово: «Ой еси князи, и бояря, и все Киевляня! думайте накрепко, да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову?» И оне придумали всем городом отдать Лебедь Белую царю Кощею неверному. И оне берут Белую Лебедь за руки и отдают царю Кощею неверному, и царь Кощей от Киева прочь пошел. Ажно едет ис поля Михайло Поток Ивановичь, встречают ево люди дворовые, а сказывают, что отдали Киевляня царю

Кощею неверному Лебедь Белую — Авдотью Лиховидовну. И тут Михайло закручинился: не слази з добра коня, и ездит по Киеве и кричит громким голосом: «Собаки вы, мужики, безверныя! за что отдали крещеную жену мою царю Кощею неверному? Управлюся с вами и после». А мужики ис Киева розбежалиса. А царь Кощей ушел от Киева ровно ходу на тритцать дней, а Михайло догнал ево в три часы — ажно царь Кощей на стану стоят с Белою Лебедью, опочив держит. И Михайло едет прямо ко белу шатру. И тут увидела ево Лебедь Белая: встречает ево из бела шатра, а сама говорит таково слово: «Свет Михайло Поток Ивановичь! рада я тебя увидела, не хочу жить у царя Кощея Золотой Орды, хочу жить в Киеве у богатыря светорусково — возми меня к себе по-прежнему». И подносит Михайлу пития пияново наскоре, Михайло испивает, з дороги ложится спать во беле шатре. И мечетца Лебедь Белая наскоре, и будит царя Кощея неверново: «Восстань, государь, царь Кощей! Вот пришел недруг твой Михайло Поток Ивановичь! предай ему смерти скорыя, так он за тобою не гоняетца». И царь Кощей ответ держит: «Мне Михайло не какой недруг: меня наехал во чисто поле, в беле шатре, все не предал мене смерти скорыя; как хочеш сама с ним». И Лебедь Белая велела обрать у него оружие богатырское и почала отъимать палицу железную, и завязывает очи ясныя, и ударила его вничь рукою: «Лежи ты, Михайло, во чисте поле белым каменем». И Михайло окаменел; а сами поехали в орду свою. Ажно приехали в Киев Михайловы товарищи, привезли дани и выходы, и почали распрашивати про Михаила Потока Ивановича..., как привес Лебедь Белую, и как крестился, и как царь Кощей приходил, и отдали царю Кощею, и как Михайло погоню погнал. И товарищи поехали Михайла сыскивати. Т как будут у тово камени, ажно стоит у камени калика прохожая. И богатыри зговорят таково слово: «Скажи ты нам, калика, про царство Кошеево и про Михаила Потока Ивановича». И калика им ответ держит: «Хто, де, подымет сей камень и бросит черес себя, то, де, я скажу про Михаила Потока Ивановича». Илья Муромец поднял камень в груди, а Олеша всево подня в пояс, а калика поднял и бросил черес себя и рашшиб на четверо. А ис тово камени выскочил Михайло Поток Ивановичь: «Долго, де, братцы, я сплю во чисте поле». — «А спать было тебе, братец, да не проспаться, да розбудил тебя Михайло, архангел и воевода небесных сил». И почал им рассказывать все против тово, как сказывали им Киевляня, и как ево Лебедь Белая оборотила каменею. Илья Муромец зговорит таково слово: «Поедем, де, мы, братцы, в царство Кошеево и убьем Лебедь Белую, а царю Кощею живому очи вырежем». И поехали во царство Кошеево, и побили силы ✕̄, а царю Кощею живому очи выняли, а Лебедь Белую привязали х коням неученым и пустили во чисто

поле, а там смерть учинилася. А казну Кощееву всю взяли в Киев-град и разделили промеж себя. А дочь царя Кощея неверново, девку Ранку Кощееву, взял Михайло Поток Ивановичь с собою в Киев-град, и крестил ея, и за себя женою взял. И приехал во Киев-град, и побил силы мужиков пять тысящ, и сами в Киеве помрли. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь. Их идет слава до века.

Этнографическое Обозрение, кн. VIII, 1891, № 1.